

**«И дело вовсе не в том, что есть во мне
грамм сто пятьдесят польской крови...»¹.
Об одном эпизоде российско-польских
литературных отношений:
Регина Дериева и Тадеуш Ружевич***

Аннотация:

В статье идет речь о русском поэте Регине Дериевой (1949–2013), о ее сложной биографии с многочисленными перемещениями (от Одессы через Караганду и Иерусалим до Стокгольма), о ее привязанности к Польше и духу свободы, который несла польская литература. Отстаивание свободы творчества — тема переписки Дериевой с польским поэтом Тадеушем Ружевичем.

Ключевые слова:

Регина Дериева, Тадеуш Ружевич, корреспонденция, свобода творчества.

*Olga R. MEDVEDEVA-NATHOO
(Vancouver)*

**«It doesn't really matter
that in my veins I have approximately
150 grams of Polish blood...».
Regina Derieva and Tadeusz Różewicz —
a chapter of Russian-Polish literary contacts**

Abstract:

The article is dedicated to a Russian poet Regina Derieva, her life in the USSR and in emigration, her attitude towards Poland, and her love of the spirit of liberty which is a distinctive feature of Polish literature. The right to freedom of artistic expression is a topic of correspondence between Regina Derieva and a Polish poet Tadeusz Różewicz.

Keywords:

Regina Derieva, Tadeusz Różewicz, correspondence, freedom of artistic expression.

* Пользуясь случаем, искренне благодарю Александра Дериева за помощь в работе над этой статьей.

Откатилось в недалекое прошлое время, когда Польша воспринималась либерально настроенной советской интеллигенцией как очаг свободомыслия. Очаг, пламенеющий к тому же в непосредственной близости от СССР. Граница между странами, охраняемая людьми в зеленой форме, не была прозрачной, но не была и закрытой на все засовы. Существовала также другая — «зеленая граница», многократно нарушаемая: польский ветер свободы, дувший в восточном направлении, никогда не утихал.

Поэт Регина Дериева была одним из многих проживавших в СССР мыслящих людей, кому было понятно трудно переводимое слово «польскость». Для начала несколько слов о самой Дериевой.

Родилась в 1949 г. в Советском Союзе. Упокоилась с миром в 2013 г. в Швеции. Годы ее жизни были расчерчены параллелями и меридианами евразийского пространства: с черноморской Украины она переместилась в центральный Казахстан, затем на Ближний Восток и еще позднее — в Северную Европу. Ей приходилось преодолевать непреодолимые барьеры советского режима, эмиграционной и иммиграционной политики разных стран, определять свое место в разных общественных системах и на разных языках. «Собрание дорог» — так называется двухтомная коллекция ее стихотворений, прозы, эссеистики и переводов, изданная в Санкт-Петербурге в 2005 г., — носит исключительно точное название.

Легендарная Одесса, затем с 1965 г. долгие годы — Караганда, «едва ли не главная столица ссыльной стороны» (А. Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ»), город, взятый в кольцо, как писала Дериева, «лагерьями марксизма-ленинизма-сталинизма»². Там, на земле, где «черные терриконы заслоняли горизонт», она занималась «черной работой стихосложения», жила «черной жизнью черновика, не позволяя себя ничто переписывать»³.

Позже, в 1991 г., — переселение в Израиль, но не столько в Еврейское государство, сколько на Святую Землю или, как могла бы сказать сама Дериева, «в родные палестины». Здесь она не была ни паломником, пришедшим с молитвой, ни туристом, отметившимся в храме Гроба Господня. Она просто жила в Иерусалиме — Иерусалиме Страстей Христовых и наверняка (не могло быть иначе) Иерусалиме русской поэзии, пушкинского «рыцаря бедного» и лермонтовской «ветки Палестины», — это был ее воздух...

В Израиле она прожила более восьми лет, так и не получив гражданства этой страны (ибо, будучи католичкой, не подлежала закону о репатриации). Следующим «стоянием» на ее жизненном пути была слышущая терпимостью Швеция.

Но куда бы Дериеву ни забросила судьба, она всегда оставалась гражданкой страны под названием Свобода, в паспорте которой значилось: русский поэт. Дериева писала: «Каждый поэт — король своей собственной страны, которая для большинства так и остается terra incognita»⁴. Иначе говоря, она была «всегда и везде дома»⁵, а ее перемещения были путешествием вдоль, поперек и вглубь культур. В ее собственной «империи» — исторической, географической, духовной и душевной — Польша занимала особое место.

Предки Дериевой по материнской линии были поляками. Отец был из караимов. Ни о той, ни о другой ветви она не знала почти ничего — отец, преподаватель философии марксизма-ленинизма, как и было положено по роду его деятельности, осторожничал, а мать молчала, чтобы не навредить мужу. Докопаться же до корней личной истории независимо от родителей, изучая архивные источники, по тем временам было практически невозможно. И Дериева по собственной воле выбрала себе другое — смешанное — происхождение: «Меня кормил в роддоме кто ни попадя, — писала она, — мамыши всех национальностей. И русские, и украинки, и еврейки, и гречанки, и польки, и молдаванки, и... Так что я дочь всей Одессы. Вскормленная ее молоком, я никакого внимания на национальность не обращаю...»⁶.

Но это не отменяло ее тяги к Польше.

С поляками Дериева сблизилась в Караганде. До 1990-х гг. там все еще оставалось немало потомков и царских ссыльных, и сталинских депортированных*. Отчасти из этого общения выросло ее увлечение польским языком. Она учила его самостоятельно, оставаясь один на один с текстами, вслушивалась в шипящие, шелестящие и шуршащие звуки, всматривалась в слова, их замысловатые точки, хвостики и крючочки. Читала польскую прозу, в основном XX в., преимущественно в переводах: от Лема до Леца, потом пришел черед Шульца и Хласко. Припадала к ним, потому что из них струился «карбонарский» дух. Не знаю, сказала бы так сама Дериева, но такая итальян-

* Несмотря на массовую репатриацию этнических поляков на историческую родину в 1990-е гг., в Караганде все еще остается несколько тысяч представителей этой национальности.

ская ассоциация: «угольщики» и каменноугольный бассейн — в Караганде, называемой одной из главных кочегарок страны, была бы уместна. Примерно в то время Дериева от имени Василия Скобкина, мистифицированного автора — alter ego автора подлинного, писала:

«Хороший народ поляки, может быть, один из лучших, только не все это понимают. Не понимают, кривят рты и гнусно рассуждают инженеры, врачи и учителя: „Чем это поляки лучше нас?.. У них же там все католики!“ Так говорят учителя, врачи, инженеры... Ну еще библиотекари, музейные работники. Короче, так говорит вся замечательная Небольшая Гордость нашей страны. Небольшая потому, что с большой гордостью жить сложнее. С большой гордостью ты уже и не свой вроде, а определенно поляк.

А я вот люблю поляков и готов, если надо, это доказать. И дело вовсе не в том, что есть во мне грамм сто пятьдесят польской крови. И не в том, что моя польская прабабка воочию видела ангела возле своей постели (тогда еще ангелы разгуливали по домам). А в том, что закипает во мне нечто, что легко объясняют и охотно обсуждают инженеры, врачи и учителя, когда собираются вместе для какой-нибудь очередной провокации.

Вот в один воскресный день встают учителя, врачи и инженеры рано утром, завтракают и едут в Польшу, чтобы там дружно ругать поляков и красть у них серебряные ложки (или что там под руку подвернется), ссылаясь при этом на старые долги: „Они-то, в свое время, эти Адамы Чарторижские, сколько нахапали!“ Когда же я пытаюсь их одернуть, учителя, врачи и инженеры побивают меня, вместе с несколькими другими миротворцами, бесплатно полученными от поляков Библиями, отпечатанными в Лондоне на русском языке.

Затем чуть успокоившаяся ни с чем не сравнимая Небольшая Гордость образует торговый ряд и продает каждую Библию на вес золота все прибывающим инженерам, врачам и учителям. А мы с поляками, подставляя друг другу израненные плечи, бежим из Польши куда глаза глядят. И впереди нас летит ангел, прекрасный и золотоволосый ангел, навещавший мою прабабку в те далекие времена, когда еще было безопасно появляться перед людьми во всей своей доброте и милости»⁷.

В этом фрагменте очевидно стремление Василия Скобкина отгородиться от своих, но чужих и — прибиться к полякам — чужим, но своим.

Здесь же Дериева упоминает привычное отождествление поляков с католиками. И действительно, католическая вера была еще одной, «суровой», нитью, которая связала ее с Польшей. Дериева приняла крещение в атеистическом Казахстане в 1990 г.: «недалек от угольных шахт в предместье Караганды под названием Майкудук. Ступени ее вели не вверх, как полагается в роскошных храмах, а вниз, потому что так распорядилась советская власть»⁸; в стихах вспоминала «надтреснутый колокол / католической церкви, / вырытой под землей / недалеко от угольной шахты / имени товарища Генриха Гейне»⁹.

Можно предположить, что на выбор католического вероисповедания в определенной степени оказал влияние тот факт, что Караганда еще в годы советской власти была духовным центром католиков всего Казахстана и Средней Азии: католический приход здесь был официально зарегистрирован в 1977 г. А уже в независимом Казахстане, в 1998 г., в Караганде был открыт монастырь босых кармелиток, в 1999 г. — Карагандинская епархия. Неслучайно именно Казахстан (хотя только Астану) в 2001 г. посетил Папа Римский Иоанн Павел II. Последние события произошли позже, когда Дериева уже отмеряла свои мили по Востоку и Западу, а вот избрание в 1978 г. на Святой Престол поляка могло сыграть значительную роль. Дериева совершила свой духовный выбор в зрелом возрасте: ей было около сорока лет. Кому-то могло показаться, что, принимая такое решение, она сбилась с пути, но нет — в правильности своего выбора она ни разу не усомнилась, для нее это был единственно верный путь. А идти против течения ей было привычно: «Любое течение служит лишь для того, чтобы против него плыть», — скажет она позже¹⁰.

Дериеву занимала и польская история: восстания конца XVIII–XIX вв., разделы Польши, в 1980 г. она, конечно же, была солидарна с «Солидарностью». Но особенно живым был ее интерес к Польше периода Второй мировой войны. Следы этого запечатлены в ее стихотворении «Сеанс пятый» (2002 г.):

*В Иерусалиме такое яркое небо,
в Иерусалиме такое яркое безумие,
что многие стараются увезти и то
и другое (в основном контрабандно)
на долгую память в свои хмурые
и чересчур нормальные страны;*

там они пристраивают и другое
и то где-нибудь в столовой,
на балконе или на кухне.
В Иерусалиме и я жила, но не
существовала, почти восемь лет;
писцы царя Ирода не внесли меня
с мужем и сыном в пергаментную
перепись при очередном избиении
младенцев. На 4-ом стоянии Via
Dolorosa, где мы снимали квартиру,
в 40-ых годах провел какое-то
время командующий Армии Krajowa
генерал Андерс со своим конем и
адъютантом. В квартире с почти
трехметровыми потолками
была тайная дверь, забитая двумя
гвоздями времен Британского Мандата.
Когда я вскрыла ее, обнаружился
древний сортир с окаменевшими
конскими яблоками возле очка.
Пришлось все убрать, залить хлоркой
и снова забить мемориальную дверь.
Сын, помогая, ворчал, что нам вечно
приходится грязь выгребать чужую.
А я отвечала, что лучше
грязь вычищать, чем создавать
(приводя античных героев в пример
и христианских святых). Мимо окна
вечными потоками текла
река паломников. В любой момент
я могла влиться в поющую реку, где
каждая душа прошла перепись
не Ирода, но Христа и этого было
довольно, чтобы в виду не иметь
всего остального¹¹.

На первый взгляд может показаться, что упомянутый в этом стихотворении факт, что Дериева делила иерусалимскую квартиру с генералом Андерсом (хотя и полвека спустя) — из игры воображения

поэта. Однако здесь другой случай. В Иерусалиме семья Дериевых жила на Via Dolorosa IV, 36 (здание между 3-м и 4-м Стояниями). На улице Скорбный путь, в том же доме, в той же квартире, было иерусалимское прибежище Владислава Андерса, которого вместе с его воинами сюда занесла война. Для Дериевой это случайное совпадение стало знаком истории. Чтобы написать несколько строк о генерале Андерсе — культовой фигуре польского XX в., — надо было знать советско-польскую историю, открывая ее слой за слоем: 17 сентября 1939 г., депортацию поляков вглубь СССР, советский плен, центральную тюрьму НКВД на Лубянке, дарованную полякам в 1941 г. «амнистию», и Бузулук, и Татищево, и южно-казахстанские Чокпак, Отар, Луговую, и узбекский Янги-Юль, и туркменский Красноводск, и польскую армию на Востоке, поход которой лежал через Персию и Палестину, и красные маки на Монте Кассино... У Дериевой весь этот контекст вылился в несколько поэтических строк, что говорит об авторе как о человеке, для которого польская история является важной частью усвоенного (присвоенного?) ею исторического знания и ее личной памяти.

Польские семена, из которых произрастают многомерные образы, разбросаны и в ряде других произведений Дериевой. Еще один пример — стихотворение «Круг склонений» (2008 г.), поминание близкого, ушедшего навсегда:

*Не долетит туда птица даже,
не доберутся слова, что глаже
шерсти кашмирской и тканей прочих.
Нет ничего там из той, короче,
яви, что око питает, разум...
Как же ты там оказался сразу,
до двадцати еще? Как успелось
тихой душе твоей бросить тело,
дело оставить, свою подругу?..
Так с этих пор и хожу по кругу,
так и ищу то ли ветра в поле,
то ли твой взгляд, ставший смыслом боли.
Нет, не встречала таких я больше!
Ты мой поляк, что лишился Польши,
мой англичанин без Ливерпуля,
русский, которого сбила пуля*

*с ног и оставила на дороге.
Даже обрыв был с тобой пологим,
даже отрыв был с тобой полетом...
[...]
Смерти с тех пор шлю за нотой ноту,
но не вернет мне она, я знаю,
лучший мой час, мой обрывок Рая,
Остров Блаженных, где были вместе.
Сломан сургуч и разохся клейстер,
плачут чернила... Осталось вынуть
жизнь из конверта и лечь под глину.
Без упреждающей пиктограммы
встретишь меня на последней самой
станции После Всего? Узнаешь?
Где полюса имена склоняют
сферы небесной. Где столько света,
что ожерельем свернулось лето¹².*

«Ты мой поляк, что лишился Польши...», — пишет Дериева, и за этим сравнением — целый пласт мученической польской истории и ее, русского поэта, сострадания к ней.

К поэзии Норвида Дериеву привел замечательный посредник — музыка (кроме филологического, Дериева имела музыкальное образование), а точнее, что трудно было предвидеть, — прогрессивный рок Чеслава Немена (Niemen Enigmatic, 1970). Его композиции на слова стихотворений Норвида буквально пронзили юную Регину. Норвидовские строки «*pod latyńskich żagli cieniem, / Myśli moja, płyn z aniołem, / Płyn, jak kiedyś ja płynąłem: / Za wspomnieniem — płyn wspomnieniem...*»* («*Italiam! Italiam!*») стали для Дериевой незабываемыми. Похоже, это был переломный пункт в ее отношении к польской поэзии. Затем состоялось знакомство с Галчиньским, Бачиньским и позже — с Хербертом, Милошем, Я. Твардовским. Но ближе всего ей был Тадеуш Ружевич. Она читала стихотворения Ружевича в переводах Д. Самойлова, Б. Слуцкого, А. Ревича, В. Британишского, А. Эппеля, В. Бурича. Затем она обратилась к оригиналам. И все более убеждалась, что его экзистенциальная по сути и лаконичная по форме поэзия

* Подними латинский парус! / С ним легко и вольно плавать! / Мысль, плыви теперь, как память, / Память переждать стараясь! (пер. В. Корнилова).

ей очень близка. Случилось так, что особое отношение Дериевой к этому польскому поэту переросло в особые с ним отношения.

В 1986 г. Дериева послала ему свою только что вышедшую в Алма-Ате книжку стихов¹³. Она испытывала потребность установить живую связь с почитаемым поэтом и через него — с Польшей. Ружевиц книжку получил. Но, кажется, удивился не самой книге, а тому, что она пришла из удаленного на тысячи километров Казахстана. Для него слово Казахстан, как почти для любого поляка его поколения, должно быть, вызывало печальные образы: депортированные, репрессированные, лагеря, тирания — словом, особая «сибирская экзотика». Подумал: стихи рождаются и «за колючей проволокой». Ответил. В открытке из Вроцлава от 6 июля 1986 г. Ружевиц писал: «Пани Регина, большое спасибо за Ваше чудесное письмо и томик стихотворений „По первопутку“». Караганда в такой дали от Вроцлава! Но люди везде пишут стихи. Я плохо знаю русский язык, поэтому пишу Вам по-польски, стараясь писать как можно четче. Может, кто-нибудь переведет Вам мою открытку, а может, Вы сами сумеете разобрать мои слова. Писать стихи — это привилегия молодости, с возрастом пишется все труднее, все меньше, а иногда и все хуже. Я рад, что мои стихи пустились в такие дальние странствия, добрались до Вас, что кто-то их читает, как Вы прекрасно выразились, их „открывает“. Правда, я не так стар, как Атлантида, но лет мне уже много, много лет... А свое первое стихотворение я опубликовал в 1938 году! Успехов Вам в работе и в жизни. С сердечным приветом, Тадеуш Ружевиц»¹⁴.

Воодушевленная и взволнованная ответом поэта Дериева послала Ружевицу сувенир. Это была самаркандская игрушка — дракон, терракотовый, одноцветный, без яркой восточной росписи, которого она привезла из одного из своих путешествий в Самарканд.

И вновь ответ Ружевица не заставил себя долго ждать.

В открытке от 26 августа 1986 г. он писал: «Дорогая Регина, благодарю за дракона! Несмотря на то, что он, как младенец, был завернут в цветной платочек, во время долгого путешествия у него отвалился один рог. Я его сразу же приклеил, а поскольку клей был сильный и универсальный, у меня склеились пальцы, причем два самых важных, которыми я держу перо! К счастью, они уже отклеились, и я снова могу писать. Не знаю, понимаете ли Вы польский язык? Есть ли в Караганде кто-то, кто переведет Вам мою открытку? Я, к сожалению, русский язык знаю очень плохо и не могу писать Вам по-рус-

ски. Правда, читать — читаю, хотя и не без труда, кое-что понимаю, читаю в основном газеты, потому что поэзию не одолеть. В Тбилиси (Грузия) только что вышла большая книга моих избранных стихов на грузинском языке. Если Вы знаете польский, я пришлю Вам мои стихи. Сердечный привет из Вроцлава. Так далеко от Караганды! Желаю Вам прекрасных стихов и доброго здоровья! Тадеуш Ружевиц»¹⁵.

Связь поэтов не была постоянной, да она и не могла быть такой при всех пертурбациях в жизни Дериевой.

Они виделись лишь единожды, в 1999 г., в значимом для них обоих месте — в Иерусалиме, где в то время жила Дериева, а Ружевиц был гостем книжной ярмарки. Там, на ярмарке, и произошла их встреча. Организовал ее один иерусалимский знакомый Дериевых, поляк Лешек Рушковский, бывший доминиканец, по каким-то причинам оставивший монашеский орден, но оставшийся на Святой Земле. Ружевиц тут же Регину узнал, хотя с момента обмена открытками прошло 13 лет. Как же мог не узнать, если их связывал самаркандский дракон, тот, несчастный, которому «обломали рога» и который склеил пальцы поэта, чуть было не потерявшего из-за этого способность держать в руке перо! Ни Ружевиц, ни Дериева этого не забыли. А в 2007 г., через восемь лет после встречи и через двадцать с лишним после обмена открытками, родилось стихотворение Дериевой — свидетельство того, насколько был для нее важен контакт с поэтом, которого она слышит. Или, точнее — насколько был важен контакт поэтов, которые слышат друг друга. Стихотворение Дериевой — это ее запоздалый поэтический ответ на открытку Ружевица:

История одной почтовой открытки. Год 1985*

*...dziękuję za smoka! Mimo że był owinięty jak niemowlę
w kolorową chusteczkę w czasie długiej podróży
odpadł mi jeden róg. Zaraz go przykleiłem, a ponieważ
klej był mocny i uniwersalny skleily mi się palce
i to te dwa najważniejsze, w których trzymam pióro!
Na szczęście mi się rozkleiły...*

Из текста почтовой открытки,
полученной автором от Тадеуша Ружевица

* Указанная в заголовке стихотворения дата — год 1985 — неточна. Должен быть указан 1986 г.

*В любом закоулке вселенной,
за глухой стеной, за письменным
столом, за стойкой бара, за амальгамой
зеркала, отражающего вчерашний день,
за кулисами погорелого театра,
за перегородкой сознания имеются
свои сикофанты с иерофантами. Ну,
животные такие: с рогами, копытами,
хвостами и всем, что полагается,
оказывающие за деньги и бесплатно
услуги государству.
Обществу, которому всегда необходимо
все знать и превращать невиновных в злодеев.
Теперь сикофантов, не говоря уже
об иерофантах, принято оправдывать:
мол, тоже люди со своими нуждами,
слабостями и порывами. Но куда
деться от воспоминаний о запахе серы
в квартире, которую ты покидал на время,
о следах копыт на чистом полу,
о пропоротых рогами книгах
и выпотрошенных трупах писем,
иногда доходивших из-за границы.
Правда, с открытками из Польши
сикофантам приходилось сложнее,
поскольку не научены они были читать
написанное открытым текстом.
Вот и оставили без внимания крамольные
сетования Тадеуша Ружевича на произвол
иерофантов, обломавших рога у глиняной
игрушки из дряхлого Самарканда,
посланной в подарок ему,
многие годы состязавшемуся
в древности с Атлантидой.
Какие зашифрованные донесения,
какие магические письма искали
на польско-советской границе
в рогах безвредного дракона теперь уже
не узнать. Они, конечно, выкусили фиг;*

*и рога с помощью универсального клея
удалось обратно приделать...
Но вот стихи, после чужих рук,
Порой с трудом удается склеить¹⁶.*

Когда Дериева посылала Ружевицу самаркандского дракона, скорее всего, она хотела поделиться с поэтом этим символом непритязательной красоты, древней истории и — памяти. Поделиться тем, что ей было дорого (она любила глину и по возможности коллекционировала глиняные изделия). Быть может, она и писала об этом Ружевицу в «сопроводительном» письме к посылочке. (К исходящей корреспонденции у меня, к сожалению, не было доступа.) Однако, узнав, что дракон добрался до поэта поврежденным, кажется, переосмыслила символизм своего подарка: теперь глиняная игрушка — уже не только напоминание о древнейшем городище Афросияб (где и были найдены первые терракотовые фигурки) и о столице Тамерлана с ее сказочно прекрасной, хотя к тому времени и одряхлевшей, архитектурой. В стихотворении «Почтовая открытка» дракон — это уже не сувенир без двойного смысла и без двойного дна, способный вызвать разве что улыбку умиления. В стихотворении об открытке, кроме самаркандской, отражается и другая, «параллельная» история. Это — повествование о личном травматическом опыте Дериевой: опыте жизни в СССР в окружении сикофантов и иерофантов, секретных сотрудников (сексотов) и пожизненно власть предержащих. К моменту написания «Почтовой открытки» она жила за пределами слежки уже более двадцати лет, но, судя по стихотворению, рана еще болела. Память стирала границу между прошлым и настоящим, прошлое было еще почти настоящим — вопреки календарю. Дракон, бывший всего лишь материальной приметой далекой истории, стал в стихотворении Дериевой знаком памяти, интерпретировавшей событие так, а не иначе.

Вполне возможно, что хрупкий рог дракона отломился по той простой причине, что посылочку без всяких предосторожностей бросали «бессердечные» почтовые служащие, а вовсе не потому, что его отшибли бдительные таможенники, пограничники или еще какие-нибудь спецслужбисты, «вояки невидимого фронта», пытаясь найти в брэнном терракотовом драконовом теле шифровку. Но так ли важно, как было на самом деле? Не важнее ли то, что невинный факт (всего-то дракон без рога) мог породить подобные мысли, вполне обыч-

ные в 1980-е гг.? Мог — в той атмосфере недоверия и подозрительности к поэту Регине Дериевой, к ее стихам, да и к поэзии как таковой, в целом. А в конечном счете, в атмосфере противостояния власти, повсюду ждавшей подвоха, и художника, который не играет в шифровальные игры (разве что перекодировкой считать преобразование прозрачных мыслей и чувств в рифмы, ритмы, метафоры и эпитеты). О горечи опыта и о бесстрашии — художнику не укоротить крыльев — Дериева пишет своему коллеге, поэту из Польши, к которому выказывает большое доверие, на полное понимание которого, несомненно, рассчитывает.

К сожалению, Ружевичу не довелось прочитать это стихотворение, вдохновленное его открыткой. Дериева не посылала его во Вроцлав — по всей видимости, ждала, когда оно будет опубликовано. Но впервые оно появилось в печати лишь в 2015 г. А к этому времени в живых не было ни самой Регины Дериевой, ни Тадеуша Ружевиша.

В 1999 г. в Иерусалиме между поэтами произошел еще один интересный обмен.

Дериева вручила Ружевичу томик своих стихов «Памяти памятников»¹⁷. Ружевиш, тут же полистав ее, остановил взгляд на четверостишии:

*Посмотри,
каким старым
стало зеркало,
отражая тебя.*

И, обняв Регину, сокрушенно сказал: «Жаль, что эти слова написаны не мной».

В ответ Ружевиш подарил Регине томик своих стихов «Уцелевший», что оказался под рукой, и прямо на первой странице сделал дарственную надпись: «Регине на память. Тадеуш Ружевиш. 21.VI.1999»¹⁸. На этой странице то ли по воле поэта, то ли по высшей воле оказались два стихотворения:

Jak dobrze

*Jak dobrze Mogę zbierać
jagody w lesie
myślałem
nie ma lasu i jagód.*

*Jak dobrze Mogę leżeć
w cieniu drzewa
myślałem drzewa
już nie dają cienia.*

*Jak dobrze Jestem z tobą
tak mi serce bije
myślałem człowiek
nie ma serca.*

(tom «Czerwona rękawiczka», 1947–1948)*

Ocalony

*Mam dwadzieścia cztery lata
Ocalałem
Prowadzony na rzeź.*

*To są nazwy puste i jednoznaczne:
człowiek i zwierzę
miłość i nienawiść
wróg i przyjaciel
ciemność i światło.*

*Człowieka tak się zabija jak zwierzę
Widziałem:
furgony porąbanych ludzi
którzy nie zostaną zbawieni.*

*Pojęcia są tylko wyrazami:
cnota i występki
prawda i kłamstwo
piękno i brzydota
męstwo i tchórzostwo.*

*** Как хорошо**

Как хорошо Могу собирать / ягоды в лесу / я думал / нет леса и ягод. // Как хорошо Могу лежать / в тени дерева / я думал деревья / уже не дают тени. // Как хорошо Быть с тобой / так стучит мое сердце / я думал человек / не имеет сердца. (сб. «Красная перчатка», 1947–1948). Пер. Н. Матвеевой-Пучковой.

*Jednako waży cnota i występек
widziałem: człowieka który był jeden
występny i cnotliwy.*

*Szukałem nauczyciela i mistrza
niech przywróci mi wzrok słuch i mowę
niech jeszcze raz nazwie rzeczy i pojęcia
niech oddzieli światło od ciemności.*

*Mam dwadzieścia cztery lata
ocalałem
prowadzony na rzeź.*

(tom «Niepokój», 1947)*

Как же понятны были оба эти стихотворения Регине Дериевой! Каким прицельно точным было попадание в чужую и столь близкую поэтическую душу!

Может быть, тогда Дериева впервые задумалась о возможности перевода Ружевиича на русский язык. Позже она перевела целый ряд его стихотворений, однако в двухтомник «Собрание дорог», сама себе строжайший судья, включила лишь один перевод, которым была полностью удовлетворена:

* * *

*Dostojewski mówił
że gdyby mu kazano wybierać
między prawdą i Jezusem
wybrałby Jezusa*

* * *

*Достоевский сказал
предложили б ему выбирать
между истиной и Иисусом
выбрал бы он Иисуса*

* **Уцелевший**

Мне двадцать четыре года / я уцелел / отправленный на бойню. // Это названия пустые и однозначные: / человек и скот / ненависть и любовь / враг и друг / тьма и свет. // Человека убивают так же как скот / я видел: / фургоны людей порубленных на части / людей которые не спасутся. // Все понятия — это только фразы: / добро и зло / правда и ложь / красивое и дурное / храбрость и трусость. // Одинаково vesят добро и зло / я видел: / человека, который был одновременно / преступник и праведник. // Я ишу учителя и пророка / пусть вернет мне зрение слух и речь / пусть заново даст названия вещам и понятиям / пусть свет отделит от тьмы. // Мне двадцать четыре года / я уцелел / отправленный на бойню. (сб. «Беспокойство», 1947). Пер. В. Британишского

*kończąc
zaczynam rozumieć
Dostojewskiego*

*к концу
начинаю я понимать
Достоевского*

*Narodziny życie śmierć
zmartwychwstanie Jezusa
są wielkim skandalem
we wszechświecie*

*рождество жизнь смерть
воскресение Иисуса
величайший скандал
на всю вселенную*

*bez Jezusa
nasza mała ziemia
jest pozbawiona wagi*

*без Иисуса
наша маленькая Земля
лишается весомости*

*ten człowiek
syn boży
jeśli umarł*

*а этот Человек
сын Божий
если умер*

*zmartwychwstaje
o świecie każdego dnia
w każdym kto go naśladowuje¹⁹*

*воскресает
на рассвете каждого дня
в любом
идушем вслед²⁰*

(tom «Wyjście», 2004)

(сб. «Выход», 2004)

Думается, Дериева неслучайно выбрала для публикации перевод именно этого стихотворения Ружевица. Используй она парафраз, могла бы сказать польскому поэту: «Это стихотворение должна была написать я».

Дериева, при всей ее увлеченности Польшей, никогда не была в этой стране. Не выбралась даже из Швеции, хотя было достаточно сесть на паром, чтобы через несколько часов сойти на берег страны, умевшей сопротивляться. Быть может, были на то самые обыденные причины: загруженность работой, другие обязательства, наконец, нездоровье. Но не исключено, что были и серьезные: Польша уже была другой, новой, а хотелось сохранить ее прежний «до-исторический» образ, миф, что во много раз дороже реальности.

Недавно, с большим опозданием, в Польшу пришли стихи Регины Дериевой. Томик «Хлеб и соль» был издан в неожиданном городе — Познани, с которым, кажется, Дериеву ничего не связывало, но во вполне ожидаемом — католическом — издательстве «Flos Carmeli»²¹.

Так, «после всего», произошло символическое сближение русского поэта Регины Дериевой с Польшей. Так получил продолжение русско-польский литературный диалог — о России, о Польше, об истории, которая их не раз разделяла, и о культурной памяти, которая их всегда соединяла.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Дериева Р.* Василий Скобкин. Записки троянского коня. Гл. В наши дни во всем мире говорят с каким-нибудь акцентом // *Дериева Р.* Соч. в 2 т. СПб., 2015. Т. 2. Проза. 1987–2013. С. 119. Сочинения Василия Скобкина создавались в 1985–1988 гг. в Казахстане, были завершены в 1994 г. в Иерусалиме.
- ² *Дериева Р.* Сеанс второй (цикл «Лечение») // *Дериева Р.* Собрание дорог. В 2 т. Т. 1. СПб., 2005–2006. С. 344.
- ³ *Дериева Р.* Сеанс первый (цикл «Лечение») // *Дериева Р.* Собрание дорог. Т. 1. С. 343.
- ⁴ *Дериева Р.* Для чего? О королях, капусте и поэзии // *Дериева Р.* Соч. в 2 т. Т. 2. С. 317.
- ⁵ *Дериева Р.* Еду, еду, еду и еду. Дорога всегда... (цикл «Архангелоанглия») // *Дериева Р.* Соч. в 2 т. Т. 1. Стихотворения 1975–2013. С. 196.
- ⁶ *Дериева Р.* О времени, вещах и явлениях // *Дериева Р.* Соч. в 2 т. Т. 2. С. 310.
- ⁷ *Дериева Р.* Василий Скобкин. Записки троянского коня. С. 119.
- ⁸ *Дериева Р.* О времени, вещах и явлениях. С. 311.
- ⁹ *Дериева Р.* Сеанс второй (цикл «Лечение»). С. 344.
- ¹⁰ *Дериева Р.* Для чего? О королях, капусте и поэзии. С. 318.
- ¹¹ *Дериева Р.* Сеанс пятый (цикл «Лечение») // *Дериева Р.* Собрание дорог. Т. 1. С. 347. Во фрагменте «...командующий Армии Крайова генерал Андерс» польское слово «Krajowa» стоит в русском окружении — так в авторской рукописи и в публикации.
- ¹² *Дериева Р.* Круг склонений // *Дериева Р.* Соч. в 2 т. Т. 1. С. 243.
- ¹³ *Дериева Р.* По первопутку. Стихи. Предисловие Д. Самойлова. Алма-Ата, 1985.
- ¹⁴ Адресованная Р. Дериевой открытка Т. Ружевича хранится в коллекции Р. Дериевой в Стэнфордском университете, США. URL: <https://searchworks.stanford.edu/view/10604415/> (дата обращения: 10.11.2018).
- ¹⁵ Вторая открытка хранится там же.
- ¹⁶ *Дериева Р.* История одной почтовой открытки. Год 1985 (Цикл «Татуированная Мнемозина») // *Дериева Р.* Соч. в 2 т. Т. 1. С. 237.
- ¹⁷ *Дериева Р.* Памяти памятников. East Jerusalem, 1998.
- ¹⁸ *Różewicz T.* Ocalony. Warszawa, 1991.
- ¹⁹ URL: <http://malowane-wierszem.blogspot.com/2011/08/dostojewski-mowi-tadeusz-rozewicz.html/> (дата обращения: 10.11.2018).
- ²⁰ *Дериева Р.* Тадеуш Ружевич *** Достоевский сказал... // *Дериева Р.* Собрание дорог. Т. 2. С. 253.
- ²¹ *Derieva R.* Chleb i sól. Przeł. R.J. Reisner. Wstęp O. Medvedeva-Nathoo. Poznań, 2015.